

Гайдар Аркадий Петрович

Проклятая дочь

Аркадий Гайдар

Проклятая дочь

Есть за городом возле оврага, возле маленькой речки Ягошихи, старое кладбище. Там, посередине, возле белой пустой церкви, торчат памятники над могилами умерших купцов, почетных граждан, убитых и просто мирно скончавшихся полковников и прочих знатных и видных горожан. Но чем дальше забираешься вглубь к краям кладбища, тем гуще и беспорядочней выбивается дикий кустарник, тем меньше мраморных плит и железных решеток.

Покосившиеся кресты рассыпаются сухой мертвой пылью, расстрескавшиеся кирпичи затянута язвами серой плесени.

Долго бродил я по узеньким тропкам, всматриваясь в надмогильные надписи, стихи и изречения, но по большей части эти надписи были схожи между собой, как обезличенные временем, состарившиеся кресты, как могилы двух близнецов, похороненных рядом, ибо оставшиеся в живых по большей части преподавали все один и тот же совет умершим в том смысле, что: "Спите, мол, спокойно, а мы не забудем вас", что, в сущности говоря, просто ложь и следует ее понимать так: "Спите спокойно, а мы будем жить".

Однако веками освященный обычай заставлял штамповать на памятниках привычную формулу, давно утратившую всякий смысл, так же, как твердо устанавливал, что над могилой каждого скончавшегося христианина даже "тати нощной"*¹, даже "душегуба и вора" - только не святотатца, отверженного церковью, должен быть поставлен крест как символ окончательного расчета с земными судьями и здешними законами.

* Тать нощная - вор, грабитель.

Возле церкви, наклонившись за тем, чтобы сорвать желтый цветок одуванчика, я остановился и отдернул протянутую руку - внизу лежала чугунная змея. И если бы здесь ползла настоящая кобра, то и это, вероятно, не так бы поразило меня, как то, что я увидел перед собою.

Втиснутая краями вровень с землей, лежала в траве заржавленная чугунная плита; и шершавая, грубо высеченная змея, мертвым кольцом охватывая плиту, кусала себя за хвост, а с плиты глядели вверх провалы круглых глаз, треугольного носа и оскаленные зубы страшной рожи.

Я содрогнулся. Я не мог понять: над кем это на христианском кладбище мог быть поставлен такой издевающийся, странный памятник?

С трудом разобрал полустертые буквы:

"1812 год. Анастасия, - проклятая дочь Пермского исправника"

Долго не мог я оторвать глаз от мрачной могилы, запечатанной чугуном отцовского проклятья, и не заметил, как подошел ко мне какой-то человек и спросил, присаживаясь рядом:

- Смотрите? Да, этот памятник всех поражает, он слишком тяжел и мрачен. От него веет диким средневековьем. Я не знаю, как было дело, но, говорят, что дочь исправника полюбила кого-то и у ней, у невенчанной, родился ребенок. Тогда отец проклинал ее, и она умерла с горя.

Я спросил:

- Но почему же ее не похоронили где-нибудь с краю, а здесь на почетном месте, возле самого входа в церковь?

- Именно не на почетном. Затем, чтобы после смерти ее топтали ногами идущие молиться христиане.

Человек ушел скоро, я же долго еще сидел и думал:

"У ней, у невенчанной, родился ребенок. Ее заклеямили проклятьем при жизни, и после смерти ее должны были топтать до тех пор, пока не сотрется чугун 15-пудовой плиты.

Почему же плита заржавела? По-видимому, ни у кого не хватает смелости вытирать ноги о страшное лицо еще не стершейся плиты. Не потому ли, что, прежде чем успел стереться надмогильный чугун, многое стерлось и смелось навеки пролетевшими ураганами последнего десятилетия?"

"Звезда" (Пермь), 1926, 26 ноября